

ФЕНОМЕН БОРИСА САВИНКОВА И ЗАГАДКА ЕГО ГИБЕЛИ

К.Н. Морозов

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
Москва

mak92@internets.ru

Статья посвящена феномену видного эсера Б.В. Савинкова, одного из руководителей Боевой Организации партии социалистов-революционеров (БО ПСР), участвовавшего в организации самых громких покушений – на министра внутренних дел В.К. Плеве и великого князя Сергея Александровича, писателя, чьи произведения «Конь бледный» и «То, чего не было (Три брата)» имели большой общественный резонанс. Исследователей и публицистов привлекает противоречивость его взглядов и поступков: до революции он сочетал руководство Боевой организацией партии эсеров и публичные размышления о моральной недопустимости убийства, а позже – свою антибольшевистскую деятельность с написанием «Коня вороного». Автор анализирует морально-этические поиски Савинкова и его «богоискательство», весьма неоднозначно воспринятые в российском обществе и в эсеровской среде. Особое внимание уделяется изучению обстоятельств его гибели на основе документов «Дела Савинкова», изначально хранившегося в Секретном архиве Политбюро ЦК ВКП(б), которые позволяют уверенно говорить о его самоубийстве в мае 1925 г.

Ключевые слова: Б.В. Савинков, партия социалистов-революционеров, Боевая организация ПСР, богоискательство.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.1-157-175

Почему уместно говорить о феномене Бориса Савинкова? Причин этому, на наш взгляд, много. Даже на фоне богатого яркими личностями российского революционного движения Б.В. Савинков выделялся, во-первых, своими многочисленными талантами; во-вторых, своей феноменальной противоречивостью, которая проявлялась во всем, начиная с его поведения и характера и заканчивая общественно-политическими взглядами; в-третьих, своим еретичеством, которое, сплетаясь с противоречивостью его натуры, доходило до полного отрицания того, что он делал и чему служил.

За Борисом Савинковым еще при жизни закрепился образ «революционного бретера и кавалергарда», авантюриста, искателя острых ощущений, человека без твердых убеждений и принципов, претендующего на роль «сверхчеловека», человека яркого, эффектного, но безнадежно неудачливого.

Примечательно, что такой образ Б.В. Савинкова был выгоден как его бывшим товарищам по партии, так и новой власти. Однако то, что к 1925 г. оценки личности Савинкова, даваемые непримиримыми антагонистами (коммунистами и эсерами-эмигрантами), в значительной сте-

пени совпали, не есть еще свидетельство их объективности. Едва ли не единственным из эсеров, кто в это время дал весьма взвешенную оценку противоречивой личности Б.В. Савинкова, был В.М. Зензинов. Его статья «Б.В. Савинков» (она была напечатана в ноябре 1924 г. в нескольких номерах нью-йоркской газеты «Новое русское слово»), является одним из лучших воспоминаний о Б.В. Савинкове, дающим яркое впечатление о нем. В частности, В.М. Зензинов отмечал, что не встречал людей, относившихся к Савинкову нейтрально – его или любили, или ненавидели. Сам В.М. Зензинов из первой категории перешел во вторую, когда, сидя в 1911 г. в тюрьме, узнал о том, что Савинков проиграл часть денег из кассы БО, и переправил ему письмо с извещением о разрыве дружбы между ними.

Многие мемуаристы склонны характеризовать Б.В. Савинкова как яркого пустоцвета и революционного кавалергарда, не способного к делу в связи с отсутствием у него организаторских талантов. Прямо или косвенно его в этом упрекали в своих мемуарах и статьях В.М. Чернов, В.И. Лебедев и Е.Е. Колосов. Так, В.М. Чернов в 1924 г. писал: «...слишком ли неблагоприятны были внешние обстоятельства, вмешался ли случай, или Савинков оказался несостоятельным, как “единый глава” новой террористической организации, только из нее ровно ничего не вышло. <...> Быть может, прав был Азеф, который говаривал: “Павел Иванович чересчур импрессионист, чересчур невыдержан и неровен для такого тонкого дела, как руководство террором”. Быть может, прав был и Карпович, говоривший, что “без Азефа Савинков не тот, что был при Азефе: эффектен по-прежнему, да кишка коротка: пустоцвет”» [20, с. 159]. Следует отметить, что, на наш взгляд, В.М. Чернов

поступал не совсем корректно, цитируя эти высказывания о Б.В. Савинкове. Уже после разоблачения Азефа всем стало очевидно, что он вел против Савинкова хитрую интригу, настраивая против него всех руководителей партии.

Но самые убийственные характеристики Савинкову давал Е.Е. Колосов: «Вопреки общераспространенному мнению, которое, впрочем, сумел внушить другим сам же Савинков, – он не был *человек самостоятельного дела*. <...> Самый крупный его талант состоял в его замечательном умении убеждать всех окружающих, что он и есть для того или иного насущного дела тот самый человек, который бывает в таких случаях нужен, хотя бы качествами, необходимыми для этого, он и не обладал. <...> Это был человек, заранее predetermined к неизбежному банкротству, и вся его деятельность, начиная с 1909 г., есть последовательный переход от одного краха к другому, что он совершал достаточно легко, так как был ко всему этому человеком глубоко безпринципным, типичным *нигилистом* той эпохи, что знали – все» [12, с. 180, 181].

Главное, что ставили Б.В. Савинкову в вину его недоброжелатели в 1909–1911 г. во время попытки воссоздать БО ПСР, – это его боязнь ехать в Россию для самостоятельного руководства делом. Основываясь на разговорах того времени (и, вероятно, оценках своих консультантов, в том числе и В.М. Чернова), Б.И. Николаевский оценивал деятельность БО в своей книге так: «...последняя атака кончилась хуже, чем ничем. <...> У самого Савинкова – автора идеи этого последнего похода – не нашлось силы пойти на риск своей головой: он бесцельно мотался по заграничье, тратил большие суммы из партийных денег, но в Россию так и не поехал» [13, с. 301, 302].

Но были и прямо противоположные отзывы. Так, В.Н. Фигнер писала о Савинкове: «Он сразу чрезвычайно заинтересовал меня и в несколько дней совершенно очаровал. Из всех людей, которых я *когда-либо* встречала, он был самым блестящим. <...> Савинков! Савинков был для меня человеком не как все. Он был загадочным и оригинальным; был типом, совершенно новым в революции, и, как таковой, понятно, чрезвычайно интересовал меня» [18, с. 149, 150].

Савинков, безусловно, был человеком своей эпохи, человеком Серебряного века. Он привлекал к себе людей не только многогранностью своих талантов, но какой-то поразительной искренностью, тем, что он – дворянин, ставший революционером и террористом, пытался следовать определенному кодексу чести. Он пытался быть всегда искренним и честным. Очень хорошо о нем сказал один из его товарищей Егор Сазонов: «Савинков – чудесный цветок, Бог знает, откуда занесенный. Вся его деятельность носила какой-то странно-личный характер: он боролся как будто потому, что *лично его* оскорбили, его честь благородного человека. И боролся так, что всем нам мог послужить образцом» (цит. по [10, с. 187]).

В Савинкове непостижимо соединялась интеллигентская рефлексия и кипучая деятельность. Причем в своей безудержной рефлексии он доходил до отрицания того, что делал, но не переставал это делать. И это отразилось не только в «Коне бледного» и «Том, чего не было», где он говорил о недопустимости пролития крови даже ради высших идеалов, и в то же время оставался главой террористической организации (по крайней мере, после написания «Кона бледного» [15] он возглавил Боевую группу, в 1909–1911 г. пытав-

шуся организовать покушения на царя и Столыпина).

И когда одни, не понимая его «Кона бледного», клеймили его, приписывая ему те качества, которые демонстрировал герой повести – Жорж, другие защищали его. Приведем только два примера. Эсерка Бабина, пережившая советские лагеря, в конце жизни вспоминала: «Вождем у нас мог быть Савинков, но он был совсем другой ориентации. И потом, это был совсем аморальный человек, у него не было этики. Помните, он проповедовал: «Почему нельзя убить мужа своей любовницы, но можно убить министра? Если вообще можно убить человека, то безразлично, кого и по каким мотивам». Это он нам преподнес в 1909 году. Вся наша эсеровская молодежь была глубоко возмущена» [7, с. 388].

Моральный максимализм Б. Савинкова Б.И. Бабиной весьма прямолинейно трактуется как аморализм. Но так воспринимали писания Савинкова многие. М.М. Чернавский вспоминал: «Узнал, что по поручению ЦК Савинков набирает группу боевиков для террористического акта. Одновременно мне сообщили, что Ропшин (автор «Кона бледного») и Савинков одно и то же лицо. <...> когда <...> я бегло <...> просматривал это произведение, я этого не знал. На меня оно произвело впечатление пасквиля на террористов. Так что ж? Значит, я так плохо читал, что ничего не понял. Но из разговоров в эмигрантской среде узнаю, что большинство относится к повести отрицательно, что кое-кто из членов ЦК ею возмущены...» [19, с. 27].

Савинков выделялся израненной, горячей душой, бесконечной рефлексией и сомнениями в том, что он делает. Он это почувствовал уже, видимо, в 1906 г., когда писал жене про свое место в эсеровской пар-

тии: «Не мне, изломанному и составленному из мозаичных кусков, мне, которого я и сам толком не понимаю, найти здесь любовь, теплоту и единомыслие» [5, л. 31 об.].

Один из лидеров партии эсеров Михаил Гоц очень точно подметил, что Савинков – «это надломленная скрипка Страдивариуса». По воспоминаниям Зензинова, Гоц «относился к Савинкову с нежной любовью и называл его “нашим Вениамином”» [11, с. 134].

Искренность в Савинкове порождала склонность к рефлексии. И он, пытаясь понять мир вокруг себя, свое место, место своих товарищей, цели борьбы, средства, которые они используют, не вписывался во многое, да, наверное, и не мог бы вписаться. Но таких людей, с обостренным чувством восприятия и желанием все отрефлексировать, не останавливаясь ни перед чем, не очень-то любят. Однако не любящих Савинкова тоже можно понять: Савинков участвует в организации самых громких покушений на Плеве и вел. кн. Сергея Александровича и тут же сомневается, можно ли убивать даже во имя идеи. Он рискует своей жизнью и жизнями своих товарищей и в 1907 г. жалуется в Париже Фигнер, недавно только отсидевшей в одиночке 25 лет, что ему не на что купить новые лайковые перчатки взамен порвавшихся. Более того, за границей многие видят, как он играет в рулетку и на скачках. Он даже проиграл один раз партийные деньги. Его начинают считать «революционным кавалергардом», авантюристом, человеком беспринципным, но только его друзья понимают, что той же игрой он пытался заглушить в себе сомнения.

Лучше понять психологию и мотивы «вечного поиска и бунта» Б.В. Савинкова позволяют пронзительные строки из его

письма к В.Н. Фигнер, написанного в июле 1907 г.: «Я скажу Вам правду: если я смею, что во мне есть что-либо в малейшей степени стоящее внимания, то это именно мои “ереси”. Все мои товарищи за самыми редкими исключениями только “прощают” мне их за то, чего я не знаю. Быть может, простите и Вы. И именно в этом прощении несказанная боль. Боль, ибо повторяю – в моих “ересях” я вижу попытку, быть может слабую – всё равно – революции духа, борьбы с той стороной человеческого “я”, которая – я замечал – во всех, даже самых свободных, людях несвободна и глубоко консервативна. Я говорю именно о духе, – о старой морали, старых традициях, я бы смел сказать – старой рутине. Этой старой моралью, этим духом позитивизма и рационализма питается всё наше поколение. Я им питаться не могу и не хочу. В этом мое отличие от тех, с которыми я связан и буду связан всей моей жизнью, моей ненавистью и моей любовью. Одни смеются надо мной, другие бранят меня, третьи прощают мне. Всё равно – я не могу жить теми мыслями, как и они. Мне больно. Вера Николаевна, мне очень больно... Я только хочу выяснить мою позицию. Я еретик? Пусть. Я еретиком и останусь» (цит. по [14, с. 196]).

В.Н. Фигнер тонко отметила, что в Савинкове холодность, отчужденность и умение поставить собеседника на место сочетались с дружеским отношением, веселым нравом и остроумием: «Серьезный и хладнокровный в общественных делах, в личном общении Борис Викторович был человеком живым, веселым и не лишенным остроумия. Сам не позволявший наступить себе на ногу, он был насмешлив с теми, кто давал к тому повод и позволял ему подшутить над собой. С врагами же был холоден, как сталь, и неумолим, как показывали до-

просы в Париже тех, кого партия подозревала в провокации» [18, с. 149, 150].

Но будучи противоречивым во всём, и здесь Савинков парадоксальнейшим образом сочетал индивидуализм с редким чувством товарищества, которое (как и уважение к себе со стороны товарищей) считал для себя главным стимулом своей деятельности.

Понять Б.В. Савинкова лучше всего поможет рассказ В.М. Зензинова, вспоминавшего о вечернем разговоре в Гельсингфорсе трех членов БО – Савинкова, Гоца и его самого: «– Борис, – спросил Савинкова Гоц, – скажите, во имя чего вы живете? Что является стимулом вашей революционной деятельности?»

– Чувство товарищества. Любовь и уважение к товарищам по делу. Всё, что товарищи потребуют, должно быть выполнено, – ответил, не задумываясь, Савинков.

Ясно было, что этот вопрос не застал его врасплох – он, наверное, часто сам задавал его себе и давно имел на него готовый ответ.

Мы с Абрамом переглянулись. В партии было принято считать Савинкова человеком, лишь ищущим острых впечатлений жизни, некоторые называли его “спортсменом революции”, “кавалергардом революции” (так, между прочим, называла его А.Н. Чернова, урожденная Слетова, первая жена В.М. Чернова), считали его чуть ли не бретером, который любит рисковать своей жизнью. Савинков рядился порой в тогу мистика, любил декламировать «под Сологуба» декадентские непонятные стихи, утверждал, что морали нет, есть только красота; а красота состоит в свободном развитии человеческой личности, в непрерывном развертывании и раскрытии всего, что заложено в душе человека. <...> И многие

верили тому, что таков был действительно символ веры Савинкова. Но это было не так. <...> Чувство товарищества было для Савинкова в самом деле святым. Сколько раз он это доказал на деле, когда на карту приходилось ставить собственную жизнь! Настоящий Савинков не походил на того, каким он себя показывал посторонним. Но должен сказать, что как мне, так и Абраму этот ответ Савинкова с указанием на чувство товарищества, как на побудительный стимул революционной деятельности, показался странным, непонятным. Это было так далеко от нашего духовного мира! <...> Наш мир был миром моральных идеалов и норм, “категорического императива” – какой философской нелепостью казалась нам ссылка Савинкова на элементарную эмпирику чувства дружбы! Мы долго спорили...» [11, с. 301, 302].

Очень высоко способность Савинкова к товариществу оценивала и В.Н. Фигнер: «В похвалу Савинкова надо сказать, что хотя он был человеком властным, умеющим повелевать и настаивать, но с товарищами по боевой организации он находился в дружеских отношениях: в нем не было генеральства, хотя твердость характера, умение поставить каждого на свое место (в буквальном и переносном смысле) и, в случае нужды, холодная резкость, конечно, проявлялись и тут, во всех случаях, когда было нужно. Я была свидетельницей, как радостно его товарищи-боевики – люди маленькие – встречались с ним после разлуки, и как сердечно он обнимал их, видимо, ценя их лучшее достоинство – преданность революции. При мне Савинков также никогда ни о ком не злословил, хотя, не стесняясь, признавался, что таких-то видных членов партии не любит. <...> Эта теплота в отзывах сильного человека волевого типа

и деспотического темперамента составляла одну из привлекательнейших черт этого из ряда выходящего человека» [18, с. 161, 162].

Но, как справедливо отмечал Зензинов, многие, в том числе и Фигнер, были смущены этическими поисками Савинкова, то рядившегося в тогу мистика, то ставившего красоту выше морали: «Как будто с уснаем, с колебаниями, Савинков начал говорить: *“Морали нет. Есть только красота. А красота состоит в свободном развитии человеческой личности, в беспрепятственном разворачивании всего, что заложено в его душе. Заложено в виде искры божией, – пояснил он. – Что касается морали – это правила, ограничительные предписания: о должном, дозволенном, недозволенном, недопустимом. Эти правила с колыбели навязываются человеку воспитанием, примером, внушением и непрерывными влияниями окружающей среды. Они не дают человеку развиваться свободно, из самого себя, и всю жизнь тяготеют над ним, не позволяя быть самим собой. От всего этого, извне навязанного и связывающего личность, человек должен освободиться. Он должен порвать все наложенные на него путы, чтобы все, что только есть в душе, могло без подавления чего-либо, невозбранно раскрыться в его индивидуальности”*. Тут мы совершенно разошлись в мнениях. <...> Когда я говорила о <...> том, что человек совершенствуется только путем подавления эгоистических инстинктов и вредных для него и общества склонностей и страстей, Савинков возражал: “Если человек будет что-либо подавлять в себе – *он превратится в мешок с мертвыми костями”* <...> Его взгляды были совершенно противоположны моим, введение их в практику жизни я считала недопустимым. И так как думалось, что дело не расходитя со сло-

вом – возможна ли была между нами дружба?» [Там же, с. 158, 159].

Что касается упоминавшейся холодности и неумолимости к врагам, то, как показывает история вокруг ареста, допросов и суда над провокатором Т. Цейтлин, и здесь Б.В. Савинков был противоречив. Из сопоставления отдельных оговорок участников этого дела видно, что именно Савинков приставлял браунинг к голове Цейтлин, вынуждая ее к сознанию в своем предательстве. С другой стороны, именно он, как вспоминал об этом Л.А. Либерман, настоял на том, чтобы отпустить Цейтлин и Деева, не желая брать на себя пролитие их крови. Не останавливаясь перед моральным максимализмом, Савинков всегда поднимал планку достаточно высоко, впадая при этом в противоречия и вызывая у собеседников сомнения в своей искренности.

В.Н. Фигнер вспоминала, как стенания Савинкова показали ей фальшивыми: «Однажды в сумерки я сидела в кресле, а Савинков на полу, возле меня; разговор зашел, как заходил не раз и раньше, о будущем применении этого аэроплана. Тут произошла сцена, которая показалась мне комедией. Подобно тому, как позже он развивал это в романе “То, чего не было”, он говорил о тяжелом душевном состоянии человека, решающегося на жестокое дело отнятия человеческой жизни; говорил о страдании, которое испытывает, решаясь на дело с аэропланом; о Голгофе, на которую идет революционер-боевик... Это была исповедь, было стенание. И тут я усомнилась в искренности и правдивости Савинкова; слова звучали деланно, фальшиво. Я сказала: Если вам так тяжело – не идите. Нельзя идти на террористический акт с раздвоением в душе. Внутренняя борьба понятна, когда вопрос *решается,*

но если он решен, все сомнения должны быть пройдены и остаться позади; не должно быть никаких терзаний: “Созонов шел со своей бомбой на Плевне, как на “радостный” подвиг”. Тягостная сцена кончилась, и, как-то сразу встрепенувшись, будто никакого “моления о чаше” не было, Савинков поднялся и совершенно другим, самым обыденным тоном произнес: – Да я уж и решился... – и резкий переход от одной интонации к другой как-то особенно подчеркнул неправду только что слышанных лamentsаций» [Там же, с. 155, 156].

Как выше уже отмечалось, неискренним и фальшивым, играющим на публику Б. Савинкова воспринимали многие его современники, и эта точка зрения жива и поныне.

Так, например историк О.В. Будницкий вынес свой безапелляционный вердикт о неискренности переживаний Б.В. Савинкова, отталкиваясь от характеристик В. Фигнер и М. Горького: «Рассуждения Савинкова о тяжелом душевном состоянии человека, решающегося на “жестокое дело отнятия человеческой жизни”, казались ей надуманными, а слова – фальшивыми. Неизвестно, насколько искренен был Савинков; человек, пославший боевика, убить предателя (Н.Ю. Татарова) на глазах у родителей, неоднократно отправлявший своих друзей-подчиненных на верную смерть – не очень похож на внутренне раздвоенного и рефлексирующего интеллигента. Его художественные произведения достаточно холодны и навеяны скорее декадентской литературой, чем внутренними переживаниями (Возможно, недалеко был от истины А.М. Горький, назвавший автора “Коня бледного” “палачом, не чуждым лиризма и зараженным карамазовской болезнью” (Архив А.М. Горького. М., 1969. Т. XII. С. 220)» [8, с. 160, 161].

Личные письма Б.В. Савинкова невесте Егора Созонова Марии Прокофьевой, написанные им с сентября 1910 г. по февраль 1911 г., полны глубоких переживаний и откровений, которые опровергают любые сомнения в искренности его переживаний, а также в глубине переживаемого им душевного кризиса. В письме от 21 октября 1910 г. он писал: «Рад, что Вы читаете Пушкина. Я ничего не читаю. Иногда мне кажется, что действительно в конце концов, раздаваю таракана от злости и разлития желчи. Если бы я умел летать на аэроплане, я бы непременно нарочно свалился бы с высоты 1000 метров, чтобы узнать, как себя чувствует человек жестоко ушибленный. Кроме того, я бы тогда имел право сказать про себя, что я человек раненый, а сейчас мне никто и не поверит, ибо кровоподтеков и синяков на мне не наблюдается» [3, д. 528, л. 16 об., 17].

В письме от 22 октября он писал: «Я написал Вам вчера скучное письмо. Чтобы Вас рассмешить, расскажу Вам сказку.

“Жил был на свете мальчик, генеральский сынок. Мальчик был не умный, не глупый, но веселый и ласковый, на язык горазд и не дурак выпить. Вот генерал ему и говорит: “Ты, сынок, уже большой вырос, пора тебе жить на своих ногах. Иди, говорит, живи. А худо станет, я тебе помогу. Только не говори никому, что у тебя папа генерал. Нынче генералов не любят”. Пошел мальчик жить. Пил, пел, хохотал, с врагами сражался, девушек любил, кровь проливал.

И никому ничего про папу не говорил. А трудно станет, генерал ему помогает. Только вот случилась беда. Пьянствовал однажды мальчик с холуями, да и скажи (пьяный был): я мол не вашей, холуйской крови, я мол из благородных, – у меня папа

генерал. Тут холуи рассердились, мальчик пошел вон. Заплакал он и пошел к генералу. А генерал и говорит: “Я тебе говорил, помалкивай в тряпочку, а ты вот дурак какой!” и высек мальчика больно!...

Мне надоела галиматья. Надоело скрытое недовольство и открытая ругань...» [3, д. 528, л. 18, 19].

Б.В. Савинков явно про себя сказку рассказал, как холуи погнали его вон с его благородными терзаниями, высказанными в «Коне бледном»

В письме от 22 декабря 1910 г. он восклицает: «Мой express разбился. На рельсах обломки колес и пар шипит – скоро взорвется котел» [3, д. 528, л. 42].

Сомнения в правильности избранного пути и моральной допустимости убийства не только погружали Б.В. Савинкова в пучину депрессии и сомнений, но и толкали его на морально-этические поиски и богоискательство. Б. Савинков не был верующим человеком, но он, как и многие запутавшиеся люди, пытался найти в религии и Боге спасение.

В марте 1911 г. З.Н. Гиппиус писала Б.В. Савинкову: «К вере толкает жизнь; вера же толкает к жизни, – и вот получается необходимая цепь, – или, если хотите, лестница вверх. Вас, как никак, жизнь очень близко подтолкнула к вере, и, пожалуй, теперь вам не хватает лишь одного последнего усилия, чтобы конкретно очутиться на нашей ступеньке» [3, д. 126, л. 66–71 об.]. По мнению М.А. Прокофьевой, Б.В. Савинков «умом дошел до необходимости религии, но не дошел до веры» (цит. по [10, с. 190]).

Морально-этические и богоискательские поиски Савинкова, ярко отразившиеся в его литературном творчестве: «Конь бледный» (1909) и «То, чего не было (Три бра-

та)» (1912–1913) [16], – тесно переплетены с его писательской карьерой. Об этом говорит и то, как он к ней пришел, и темы его писательских размышлений, и даже то, какую роль в этих процессах сыграли Мережковский, Гиппиус и Философов.

Отношения между Д.В. Философовым, Д.С. Мережковским, З.Н. Гиппиус, И.И. Фондаминским и Б.В. Савинковым приобрели весьма дружеский характер. Показательно, что Фондаминский привлекал их к разговорам с Савинковым по поводу его семейных неурядиц. Кроме того, Гиппиус выступила в роли своеобразного литературного консультанта и учителя, когда Б.В. Савинков принес им первые куски своих воспоминаний [9, с. 422, 423].

Но еще более показательны слова З.Н. Гиппиус о том, что, собравшись уезжать из Парижа на третий год своего пребывания там, они всё время откладывали свой отъезд из-за «внутренней задержки»: «А внутренняя задержка в Париже – это наши друзья-революционеры. Дм. Серг. не сомневался, что революция в России будет, что сделают ее, может быть, вот эти самые революционеры-народники, но что им не хватает религиозного, христианского самосознания, хотя по существу они к христианству близки. <...> В Савинкове же, как и в других, начиная с Веры Фигнер, ни малейшего христианства пока не замечалось. <...> Но вот явится к Дм. С-чу Савинков, скажет с пышностью, что ему – “либо ко Христу, либо в тартарары”, и Д.С. верит, идет, глядишь, к нему вечером один, на что-то в нем, на какое-то просветление надеется... Вообще он мне казался человеком интересным и значительным...» [9, с. 425].

З. Гиппиус считала, что она помогла Савинкову-литератору «своей резкой критикой его дебюта»: «Он на лету схватил мои

внешние советы и принялся, им следуя, писать роман. С самого начала это было уже сделано иначе и лучше, нежели его “Воспоминания”. Скажу кратко: писал он, конечно, себя, свою революционную жизнь, а идея всего романа взята из тезисов Дм. С-ча к его лекции “О насилии”. Герой романа, несмотря на давящую тяжесть крови, которую проливает, не погиб, пока проливал ее не ради себя, а “во имя” чего-то высшего. И тотчас погиб, духовно и физически, когда убил на дуэли какого-то офицера ради личного интереса, для себя, Роман читался нам по частям, и автор чудесно понимал и воспринимал всякое замечание. Заглавие, довольно нелепое, я ему переменяла, назвав роман “Конь бледный” (с эпиграфом из Апокалипсиса), а псевдоним, тоже неинтересный, предложила заменить одним из своих, под которым недавно написала статью в “Полярной звезде”, журнал, уже прекратившийся. Всё это он с радостью принял. Роман мы увезли в Россию и напечатали его в “Русской мысли”. Так родился писатель В. Ропшин к радости многих злых критиков, но к своей собственной главным образом» [9, с. 425, 426].

Значение, которое триумвират придавал «Коню бледному», передают строки из письма З.Н. Гиппиус к М.С. Шагинян, написанного в январе 1911 г.: «...этого “Коня”, несовершенного, но бесконечно важного и тогда нового, важного бытием своим, – мы родили жеребеночком, холили и кормили чуть не своим мясом, во всяком случае здоровьем» [21, с. 307].

Оценивая повесть «Конь бледный», Д.С. Мережковский писал Б.В. Савинкову: «Вы сделали очень большой шаг вперед в смысле писательского мастерства, – это несомненно. Относительно “идеи” что сказать. Вы ведь знаете, она мне родная. Это

наша общая мука. Она выражена стыдливо, целомудренно. У меня одно сомнение: могли Ваня, при той степени религиозного сознания, которой он уже достиг, оставаться в терроре, – идти на кровь? Каляев мог – но ведь он на этой степени сознания еще не был. <...> Нельзя верить в чудо Воскресения – и оставаться в терроре. Тогда убивать незачем – и нельзя и не надо. Не должен ли был почувствовать этого и Ваня. Это вопрос не только мистический, но психологический...

<...> Но это – деталь, которая существования романа (религиозного вопроса о терроре) не касается. Имейте в виду, что романа печатать в России невозможно. А между тем печатать его нужно. Вещь очень серьезная – и надо, чтобы революционеры ее прочли. Она очень подействует. И благотворно. Заставит думать» [3, д. 127, л. 3, 4].

В предисловии к повести, которое Б.В. Савинков написал в 1924 г., он вспоминал: «“Конь бледный” был встречен с недоумением. Мне приписали разочарование в терроре, что было неверно. В Жорже увидел меня самого, в Ване, Генрихе, Федоре, Эрне – погибших членов Боевой организации. Повесть возбудила споры, – за и против террора. Я оказался на дурном счету у ЦК ПСР.

<...> Разумеется, “Конь Бледный” не автобиография, Жорж – не я, и остальные герои повести – не портреты. <...> Но в Боевой Организации, естественно, не раз возникал вопрос о терроре, – вставала та огромной важности проблема, которую разные люди решают различно, но над которой не задуматься невозможно. <...> Допустимо насилие или нет? Допустимо убийство или нет? Я не пытался эту проблему решить. Я хотел ее только поставить. Мне казалось, что ей уделяется слиш-

ком мало внимания. “Быт” же Боевой Организации явился не более как предлогом для постановки этой проблемы. Это понял Е.С. Сазонов, который из Акатуйской тюрьмы протестовал против готовившегося уже тогда моего отлучения от эсеровской церкви» [3, д. 127, л. 22, 23].

Нужно отметить, что Б.В. Савинков умолчал о той поддержке, которую ему оказали такие видные руководители партии, как В.М. Чернов и Л.Э. Шишко.

Отношение Л.Э. Шишко к Б.В. Савинкову и его мучительным поискам хорошо передается строками из одного его письма к Б.В. Савинкову: «Вы, несомненно, – детище тех же самых скорбей и радостей, тех же самых проклятий и идеалов, которые были вложены и в наши души» (цит. по [10, с. 189]).

Существенную поддержку Б.В. Савинкову оказывал также В.М. Чернов, который опубликовал новый роман Б.В. Савинкова в 1912–1913 гг. в «Заветах» и защищал его от нападок сторонников «старых заветов», а также, по свидетельству А.И. Спиридовича, «...посетил много эмигрантских колоний, читая рефераты, и много содействовал тому, что поднятая против Савинкова кампания окончилась для него в смысле партийном благополучно» [17, с. 521].

Несмотря на то, что идеи «Коня бледного» у многих в эсеровской партии вызвали неприятие, а сам автор – осуждение, ни Б.В. Савинков, ни «триумvirат» не теряли надежды и продолжали сотрудничество. Летом 1909 г. Б.В. Савинков, по словам З.Н. Гишпиус, «спросил, почти требовал», чтобы они приехали в Париж для важного разговора. Ехать им не хотелось, но «после парижских разговоров, после всего, что писал Дм. С., тут было что-то вроде долга» [9, с. 432]. В течение

недели велись каждодневные разговоры с Савинковым и Фондаминским, возрождавшими БО, чтобы оправдать бывшее и «ждали одобрения, чуть не благословения Д. С-ча и, конечно, не могли его получить» [Там же].

Чуть позже Д.С. Мережковский писал Б.В. Савинкову: «...мы Вас любим и Ваше любим, верим в него, верим, что оно будет и наше...»

Вы уже поняли, что не от силы, а от слабости делаете Ваше старое дело; и мы тоже поняли, что не от силы, а от слабости не делаем нового, нашего дела. Если бы мы начали делать, Вы могли бы не делать. Потому и вина общая наша, и ответственность общая» [3, д. 127, л. 21, 22 об.].

О каком «новом, нашем деле» говорил Д.С. Мережковский? Вообще, как далеко заходили в своих планах создатели «нового религиозного сознания»? Что ими делалось реально? М.С. Шагинян, бывшая в ту пору юным адептом их «новой церкви», вспоминала: «Единственное реальное дело у Мережковских была организованная Зиной при существовавшем в Петербурге “Религиозно-философском обществе” “христианская секция”. Она была задумана как место подбора и единения душевно-духовно схожих людей, стоящих на платформе “религиозной революции”. Платформа эта объединяла на убеждении, что без бога нельзя создать революцию. Бог, идея вечного, абсолютного Добра, завещанного человечеству распятым на кресте Спасителем, создают такую форму общества, где не будет условности, лжи и фальши, несправедливости и насилия, потому что все эти вещи преходящи и нереальны, а все безбожные революции, строившие общество без идеи бога, обречены были на зло и на гибель» [21, с. 307].

Какую же практическую цель преследовала «троица», устанавливая связи и вербуя сторонников в эсеровской среде (а знакомы они были не только с Б.В. Савинковым и И.И. Фондаминским, но и с их дружеским кругом, рядом членов БО ПСР, с В.М. Черновым, В.Н. Фигнер и другими)? Они хотели – ни больше ни меньше – создать своеобразную религиозно-революционную организацию (они условно называли ее «новой» партией, или «орденом») при ПСР. К сожалению, мы знаем об этом крайне немного: отдельные строчки-«проговоры» мемуаристов (В.М. Чернов) и несколько документов, не дающих всей полноты картины.

Но расплывчатыми были не только идейные построения. Недостаточно понятны оказывались и цели и задачи «новой» организации, ее практическая нужность и ценность. Даже в программе и уставе «Общины» и «Союза Земли и Правды» многие подобные вопросы не ставились или не решались. Но помимо всего прочего в этих документах не ставился вопрос и о взаимосвязи идей «революционного христовства» (да и христианства в целом) с социализмом. Но если Мережковские могли позволить себе обойти этот трудный и неудобный вопрос, то эсеры как социалисты подобного позволить себе не могли. Но как бы там ни было, убедительных решений основной проблемы – соединения идей христианства с идеями социализма – Мережковские, судя по всему, дать не смогли.

Их отношения продолжались еще долгие годы, но от планов «одухотворения» эсеровской среды своими идеями и создания «религиозно-революционной организации» им поневоле пришлось отказаться. Самому Б.В. Савинкову «еретичество» стоило весьма дорого: он ощущал себя в

положении «травимого» и «оболганного». На него давила и тень Азефа, и умерший террор – дело его жизни, и глухота, с которой отнеслись к его поискам, где было немало «крика души». Конечно, официально руководство партии его не травило, ярлыков в партийной печати и резолюциях не навешивало и не собиравалось исключать из партии, но устно, в эмигрантских (и не только) кругах его называли регенатом, «оплевывателем революции», «отрезанным ломтем» и т. п. Насколько сгустилась атмосфера недоброжелательности вокруг Савинкова в это время, хорошо видно из его письма В.А. Бурцеву: «Слухи о моем выходе из Партии совершенно неосновательны, – писал Савинков, – нелепы и злостны. Я уже просил опровергнуть их в русских газетах и в “Зн. Тр.”. Буду Вам весьма обязан, если и Вы со своей стороны опровергнете их» [2, л. 4 об].

Но современники (а позже и историки) не только сомневались в искренности Савинкова и его морально-этических поисков, в искренности его литературного творчества, они также не верили в наличие у него идейных убеждений. Представляется всё же, что идейные взгляды у Б. Савинкова были, хотя на протяжении его жизни они претерпевали серьезные изменения.

Так, вопреки широко бытующим в мемуаристике и научной литературе представлениям о Савинкове (часть из которых была запущена в оборот его прежними товарищами по партии) как об авантюристе, кадете с бомбой, «нигилисте» по отношению ко всем теориям, Савинков еще в начале и середине своей политической карьеры проделал серьезную идейную эволюцию, о которой он рассказал в 1910-м членам Судебно-следственной комиссии по делу Азефа, отмечая «три точки разви-

тия»: «Я был до этого времени с.-д. У меня изменились мнения. Я пришел в партию партийным человеком, по крайней мере, в смысле настроения, в смысле готовности воспринять целиком партийную программу и тактику. Потом, ходом моей боевой работы оторванный от всего внешнего мира, не имея возможности читать, читая только урывками и, главным образом, на иностранных языках, так как большую часть времени мне приходилось жить иностранцем, – я мало-помалу эволюционировал от партийной программы и тактики, которых я даже не воспринял, которые я только готов был воспринять, эволюционировал к своему собственному складу, правильному или неправильному, это, конечно, совершенно безразлично, к складу, который кульминационного пункта достиг именно к моменту дела Сергея. <...> После дела Сергея начинается обратная эволюция, к партии. Может быть, не столько в ее тактических построениях, выражаясь точнее, меня тогда заинтересовала аграрная программа партии. <...> Но что сказал бы я Медведю (М.И. Соколов, лидер эсеров-максималистов и их Боевой Организации – К.М.), если бы я говорил с ним так, как я сейчас говорю с вами? Я бы сказал: у партии есть две задачи: ее историческое величие в том, что она поставила на разрешение аграрный вопрос и она имеет его разрешить (так в тексте – К.М.), а во-вторых, разрешит она его своей борьбой, в которой самое видное место я бы уделил центральному терруру» [1, л. 130].

По нашему мнению, эти «самохарактеристики» полнее и точнее показывают психологию, эволюцию взглядов и настроений Б.В. Савинкова, чем устоявшиеся представления о нем. Здесь следует иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, его поли-

тические взгляды продолжали эволюционировать и далее, а во-вторых, здесь тоже проявлялась свойственная ему противоречивость – публичные высказывания одних взглядов и не менее публичные сомнения в них, высказанные в литературных произведениях и разговорах.

Многие современники и исследователи стремились разгадать феномен Савинкова, основу которого, на наш взгляд, составляет его невероятная противоречивость, заставлявшая думать, что в нем одновременно жило два совершенно разных человека. Очень емкая и справедливая характеристика была дана Савинкову М.М. Чернавским, бывшим членом его БО в 1909-1911 гг.: «До Ньюкэя (в этом английском местечке боевики жили конспиративно колонией – К.М.) мои представления о Савинкове были чрезвычайно смутны. Мои личные наблюдения и впечатления как-то не вязались, не давали цельного образа. Точно так же отзывы лиц, давно его знавших, были пестры, разноречивы, часто диаметрально противоположны. Здесь впервые стала выясняться для меня основная особенность Савинкова: человек двуликий (не двуличный, а двуликий). В нем жили два различных человека. Двуликость (извиняюсь за неуклюжесть термина) явление не редкое. Обычно два различных человека, уживающихся в одном лице, вырабатывают известный *modus vivendi*, который, несмотря на значительные между ними разногласия, позволяет им существовать бок о бок без больших трений. У Савинкова такого *modus* а не получилось вследствие резких расхождений. Два человека, жившие в нем, вели между собою постоянную борьбу, которая всё обострялась» [19, с. 50].

Это обострение борьбы в нем двух разных людей отчетливо видно в последние годы его жизни. Террорист и писатель, сомневающийся в возможности пролития крови, – претендует в 1917 г. и во время Гражданской войны на самостоятельную игру и на первые роли в ней. У Савинкова были и амбиции, и ресурсы крупного политического игрока и деятеля. Он уже в 1917 г. делает достаточно серьезную карьеру и становится товарищем министра внутренних дел, принимает участие в том, что историки называли корниловским мятежом. В 1918–1921 гг. Савинков имел собственное лицо в антибольшевистском движении и, безусловно, претендовал на роль лидера новой, «третьей России». И вся тактика его «Народного Союза Защиты Родины и Свободы» заключалась в ставке на крестьянство, на созыв Учредительного собрания, раздачу земли крестьянам и борьбу против красных и белых генералов. Впрочем, он остается верен себе: яростно борясь с большевиками, он вновь начинает сомневаться в правоте того дела, за которое борется.

Как ранее он сомневался в возможности пролития крови и продолжал руководить БО ПСР, так и теперь Савинков, яростно борющийся с большевиками, вдруг пишет «Коня вороного», где фактически выносит смертный приговор тому делу, которым занимается. Но главное, что и дальше, вплоть до ареста, продолжает заниматься той же борьбой. К концу жизни он резко эволюционирует идейно, приходя фактически к отрицанию политической свободы, которая была раньше для него так важна. Он восхищается Муссолини, он признает политический режим своих противников, большевиков. Его поведение в 1924 г. повергло всех в шок и удивление.

Напомним, что Б.В. Савинков был арестован в августе 1924 г. во время нелегальной поездки в Минск для руководства подпольной организацией «Либеральные демократы», инспирированной чекистами. Во время следствия он написал ряд писем, признавая ошибочность борьбы с советской властью. На суде полностью признал свою вину и был приговорен к высшей мере наказания, замененной 10 годами тюремного заключения. После публичного признания Савинковым советской власти его поступок был осужден значительной частью эмиграции. Только его сестра Руся сочла решение брата «делом его совести». «Если признал, значит, надо признать, тебе в России виднее, что там делается. Я люблю тебя, как любят матери, все принимая и все понимая», – писала она брату на Лубянку 18 ноября 1924 г. [4, л. 3]. Его же младший брат Виктор, напротив, присоединился к Д. Философому и другим прежним единомышленникам Савинкова, печатно осудившим его поступок.

Как известно, Б.В. Савинков погиб 7 мая 1925 г. во Внутренней тюрьме ГПУ на Лубянке, выбросившись из окна. В официальную версию о самоубийстве часть современников не поверила, да и сегодня многие в ней сомневаются. Знакомство с материалами «Дела Савинкова № 42-В/5. Постановления Политбюро ЦК РКП(б) и материалы о Савинкове об опубликовании в печати его писем и заметки о самоубийстве Савинкова», ранее хранившегося в Секретном архиве Политбюро ЦК ВКП(б), а затем в Архиве Президента (АПРФ, ф. 3, оп. 59, ед. хр. 28) и ныне переданном в РГАСПИ [6], позволяют внести ясность в споры о последней странице его жизни. Дело открывается ключевым документом, позволяющим понять дальнейшее: запи-

ской Сталина от 9 августа 1924 г., адресованной Каменеву, Дзержинскому, Калинин и Президиуму ЦИК: «Я за десятилетний срок. Нельзя уменьшать этот срок, опасно, не поймут перехода от смертной казни к 3-м годам в отношении такого человека, как Савинков. Если не согласны, я предлагаю созвать Политбюро для решения вопроса. И. Сталин» [6, л. 1–2].

Конечно, именно такой срок и был объявлен в приговоре. Но уже по первому этому документу можно сделать вывод, что истоки будущего конфликта, закончившегося самоубийством Савинкова, таились в том, что Сталин предложил увеличить срок заключения с 3 лет до 10. Безусловно, упоминаемый в записке Сталина 3-летний срок взят им не с потолка, а, по всей видимости, был предложен чекистами, обещавшими Савинкову скорую свободу в обмен на сотрудничество с ними. Очевидно, что Ф.Э. Дзержинский предпочел не спорить со Сталиным о сроке заключения Савинкова.

Позже, 10 сентября 1924 г., из ГПУ пересылают Сталину письмо Савинкова и его статью «Почему я признал Советскую власть» и ходатайствуют о публикации этой статьи [6, л. 4–12].

Савинков в своем письме, приложенном к статье, просил: «Я бы хотел, если возможно:

1. Напечатать ее в моем «Деле».
2. Напечатать в «Правде» и «Известиях».
3. Напечатать за границей в английских, французских, немецких, чешских, польских и т. д. газетах.
4. Напечатать за границей по-русски, отдельным листком.

Последнее в особенности важно. Ибо статьи прежде всего предназначаются для широких слоев эмиграции и поэтому на-

писаны с точки зрения, наиболее близкой эмигрантам, т. е. национальной. 10.09. Б. Савинков» [6, л. 5].

Уже 11 сентября 1924 г. было вынесено Постановление Политбюро ЦК: «О письме Савинкова»: «...а) Не возражать против напечатания письма Савинкова. Предложить тов. Менжинскому озаботиться о напечатании за границей; б) Указать редакциям газет на необходимость помещения статей, комментирующих письмо Савинкова» [6, л. 3].

Судя по всему, комментарии в советских газетах в адрес Савинкова были весьма резкими, так как уже 14 сентября 1924 г. Ф.Э. Дзержинский пишет в Секретариат ЦК РКП(б) Молотову: «Наша вся пресса по отношению к Савинкову заняла не совсем правильный тон. Его слишком лично задевают и оскорбляют. Это никоим образом недопустимо, ибо Савинков не будет иметь никакого импульса разоблачать то, что знает, и затем – для колеблющихся такое отношение с нашей стороны к Савинкову может заставить дальше оставаться в белогвардейском лагере. Савинков уже сам убил себя политически, теперь надо использовать его в смысле получения от него показаний о Франции, Польше и т. д. и в смысле разложения эмигрантщины.

Просьба дать нашим всем газетам, в том числе и юмористическим (вроде Заноза с Перцем) соответствующие директивы, а именно:

1. Савинкова лично не унижать.
2. Не отнимать у него надежды, что он может выйти в люди.

3. Влиять в сторону побуждения его к разоблачениям путем того, что мы не возбуждаем сомнений о его искренности, но вместе с тем перепечатаем о нем всякие гадости белой иностранной печати» [6, л. 16].

15 сентября 1924 г. состоялось Постановление Политбюро ЦК «О письмах Савинкова», практически дословно повторяющее предложение Дзержинского [Там же, л. 15].

7 мая 1925 г. Савинков передал тюремной администрации свое письмо Дзержинскому и вечером, после возвращения с прогулки в город, выпрыгнул из незарешеченного окна.

12 мая Ф.Э. Дзержинский пишет И.В. Сталину: «В связи с самоубийством Савинкова прошу утвердить проект текста для публикации в хронике газет. Необходимо завтра же опубликовать» [Там же, л. 23]. В этот же день «опросом членов ПБ» (Сталин, Зиновьев, Томский, Бухарин, Молотов, Калинин, Троцкий) было единогласно решено: «Не возражать против опубликования заметки о самоубийстве Б. Савинкова с письмом на имя т. Дзержинского» [Там же, л. 21–22].

На следующий день в «Правде» было опубликовано следующее сообщение: «7 мая Борис Савинков покончил с собой самоубийством.

В этот же день утром Савинков обратился к т. Дзержинскому с письмом относительно своего освобождения.

Получив от администрации тюрьмы предварительный ответ с малой вероятностью пересмотра приговора Верховного суда – Борис Савинков, воспользовавшись отсутствием оконной решетки в комнате, где он находился по возвращении с прогулки – выбросился из окон (так в тексте – К.М.) 5-этажа на двор и разбился насмерть.

Вызванные врачи в присутствии Пом. Прокурора Республики констатировали моментальную смерть.

Приводим письмо Савинкова дословно: «Гражданин Дзержинский.

Я знаю, что Вы очень занятой человек. Но я всё-таки Вас прошу уделить мне не-

сколько минут внимания. Когда меня арестовали, я был уверен, что может быть только два исхода. Первый, почти несомненный, – меня поставят к стенке; второй – мне поверят и, поверив, дадут работу. Третий исход, т. е. тюремное заключение, казался мне исключением: преступления, которые я совершил, не могут караться тюрьмой, “исправлять” же меня не нужно, – меня исправил жизнь. Так и был поставлен вопрос в беседах с гр. Менжинским, Артузовым и Пилаяром: либо расстреляйте, либо дайте возможность работать. Я был против вас, теперь я с вами; быть серединка на половинку, ни “за”, ни “против”, т. е. сидеть в тюрьме или сделаться обывателем, я не могу.

Мне сказали, что мне верят, что я вскоре буду помилован, что мне дадут возможность работать. Я ждал помилования в ноябре, потом в январе, потом в феврале, потом в апреле. Теперь я узнал, что надо ждать до Партийного Съезда: т. е. до декабря – января... Позвольте быть совершенно откровенным. Я мало верю в эти слова. Разве, например, Съезд Советов недостаточно авторитетен, чтобы решить мою участь? Зачем же отсрочка до Партийного Съезда? Вероятно, отсрочка эта только предлог...

Итак, вопреки всем беседам и всякому вероятно третий исход оказался возможным. Я сижу и буду сидеть в тюрьме – сидеть, когда в искренности моей вряд ли остается сомнение и когда я хочу одного: эту искренность доказать на деле.

Я не знаю, какой в этом смысл. Я не знаю, кому от этого может быть польза.

Я помню наш разговор в августе месяце. Вы были правы: недостаточно разочароваться в белых или зеленых, надо еще понять и оценить красных. С тех пор прошло немало времени. Я многое передумал

в тюрьме и – мне не стыдно сказать – многому научился. Я обращаюсь к Вам, гражданин Дзержинский. Если Вы верите мне, освободите меня и дайте работу, всё равно какую, пусть самую подчиненную. Может быть, и я пригожусь: ведь когда-то и я был подпольщиком и боролся за революцию... Если же Вы мне не верите, то скажите мне это, прошу Вас, ясно и прямо, чтобы я в точности знал свое положение» [6, л. 24-26].

Какие выводы можно сделать из знакомства с документами из «дела Савинкова»? Прежде всего, все сколько-нибудь важные решения по нему докладывались руководством ОГПУ Сталину и принимались решениями Политбюро. Именно сам Сталин предложил увеличить более чем в три раза срок заключения Савинкову с первоначально предлагаемого 3-летнего. Именно эта позиция Сталина заставляла Дзержинского не ставить перед ним вопрос об освобождении Савинкова, чего тот явно ожидал и требовал. Сомнений в том, что Савинков покончил жизнь самоубийством, у автора нет.

Совершенно очевидно, что чекисты без ведома Политбюро не предприняли бы никаких действий по убийству Савинкова. Никаких мотивов у чекистов убивать Савинкова не прослеживается. Точно так же, как не прослеживается подобных мотивов у Сталина. Процесс Савинкова и его покаяние было большим успехом и чекистов, и самой власти, и не было ни одной причины убивать его. Нежелание давать ему короткий срок, а также быстро его освобождать совершенно логично объяснено Сталиным. Что мог противопоставить этому Савинков, находившийся во Внутренней тюрьме ГПУ? Писать письма властям и просить своего освобождения. Ни о побеге, ни о связи со своими

единомышленниками (которые от него отвернулись) речь не могла даже идти. Впрочем, даже в случае невероятного – удайся побег Савинкову, он не представлял бы для коммунистов ни малейшей опасности, ибо являлся в глазах своих бывших соратников ренегатом и политическим трупом.

Кроме того, в своих предположениях автор исходит из знакомства со стилем принятия решений Политбюро по аналогичному случаю – по подсудимым членам ЦК ПСР, находившимся в заключении по приговору Президиума ВЦИК с августа 1922 г., которых, с одной стороны, максимально изолировали от внешнего мира, но с другой – предпочитали идти на некоторые уступки их требованиям в тех случаях, когда их голодовки грозили закончиться смертями и привести к очень большим репутационным потерям для власти. Через полтора года, в начале 1924 г., отложенный смертный приговор части из них был заменен тюремными сроками, затем ссылкой. Впрочем, в отличие от заключенных членов ЦК ПСР, которые, кстати, не подавали прошений о смягчении приговора и за судьбой которых внимательно наблюдали европейские социалистические партии, судьба Б.В. Савинкова никому уже интересна не была.

Правда оказалась прозаичнее. Конечно, легче поверить в конспирологическую версию убийства Савинкова, чем в излишнюю болтливость представителя тюремной администрации, который, принимая 7 мая 1925 г. письмо Савинкова Дзержинскому, высказывает мнение, что приговор Савинкову отменен не будет. Безусловно, он не имел права комментировать будущие действия Дзержинского и должен был понимать, что это идет вразрез с его должностными обязанностями. Обычный непрофессионализм и излишняя болтливость. Но многие

из врагов большевиков настолько не верили им (и вполне обоснованно), что не повели и тогда, когда те вдруг сказали правду.

На наш взгляд, самоубийство было вполне логичным и закономерным итогом для Бориса Савинкова. Что, собственно, произошло в августе 1924 г. во время суда? Поведи себя Савинков на суде так, как лидеры ПСР в 1922 г., прояви он стойкость, то получил бы высшую меру наказания. И, скорее всего, приговор привели бы в исполнение, и Савинков мог умереть так, как это и было ожидаемо от крупного человека и политика. Но он стал каяться и в глазах всех врагов советского режима пошел на неслыханное предательство!

Как представляется, и сам Савинков не мог не отдавать себе в этом отчета. Это было предательство, и прежде всего предательство своего дела, своей организации, своих товарищей и, конечно же, самого себя! Последний год его жизни – это апогей борьбы внутри Савинкова двух разных людей. Бросок в «незарешеченное» пространство поставил точку в долгом и трагическом споре «двуликого» Савинкова с самим собой. Его смерть можно понять, только поняв его жизнь.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 1699. – Оп. 1. – Д. 130.
2. ГАРФ. – Ф. 5802. – Оп. 2. – Д. 271.
3. ГАРФ. – Ф. 5831. – Оп. 1.
4. ГАРФ. – Ф. 6756. – Оп. 1. – Д. 42.
5. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 1557. – Оп. 1. – Д. 8.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 169. – Д. 28.
7. Беседа с Б.И. Бабиной / запись Н. Бармина [А.Б. Рогинского]; подгот. и публ. Л. Арапова [Е.Д. Прицкера] // Минувшее: исторический альманах. – Париж, 1986. – Вып. 2. – С. 367–389.
8. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). – М.: РОССПЭН, 2000.
9. Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский: воспоминания // Мережковский Д.С. 14 декабря. – М.: Московский рабочий, 1991.
10. Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. – М.: Росспэн, 1998.
11. Зензинов В.М. Пережитое. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.
12. Колосов Е.Е. Правительство в борьбе с революцией (По поводу воспоминаний Н.С. Тютчева) // Тютчев Н.С. Статьи и воспоминания. – М., 1925. – Ч. 2: В ссылке и другие воспоминания.
13. Николаевский Б. История одного предателя: террористы и политическая полиция. – М.: Политиздат, 1991.
14. Письмо Б.В. Савинкова В.Н. Фигнер / публ. Р.А. Городницкого и Г.С. Кана // Минувшее: исторический альманах. – М.; СПб., 1995. – Вып. 18. – С. 195–197.
15. Ропшин В. (Савинков Б.). Конь бледный: роман. – Ницца: М.А. Туманов, 1913. – 144 с.
16. Ропшин В. (Савинков Б.). То, чего не было (Три брата). – М.: А.К. Прокофьев, 1914.
17. Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. – Петроград, 1916.
18. Фигнер В.Н. Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. Запечатленный труд. – М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933.
19. Чернавский М.М. В боевой организации // Каторга и ссылка. – 1930. – Кн. 8–9. – С. 26–65.
20. Чернов В.М. Савинков в рядах ПСР // Воля России. – Париж, 1924. – № 14/15.
21. Шагинян М.С. Человек и время: история человеческого становления. – М.: Советский писатель, 1982.

THE PHENOMENON OF BORIS SAVINKOV AND THE SECRET OF HIS DEATH

K.N. Morozov

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration,
Moscow

mak92@internets.ru

The article is devoted to the moral and ethical search and God-seeking of a prominent socialist-revolutionary Boris Savinkov. He earned a reputation not only as one of the leaders of the PSR “Fighting organization”, who participated in the organization of the most resonant attacks – on Interior Minister V.K. Pleve and Grand Duke Sergei Alexandrovich, but also as a writer whose works “The Pale Horse” and “That Which Was Not (Three Brothers)” had a great public resonance. The contradictory nature of his personality, attitudes and actions, clearly manifested in the fact that he simultaneously combined leadership of “Fighting organization” and public reflection on moral inadmissibility of the murder, and in the fact that his anti-Bolshevik activities he combined with writing “The Black Horse”, still attracts the attention of researchers and journalists. The circumstances of his death also attract the attention. The author explores them using the documents of “Savinkov case,” initially stored in the secret archives of the Politburo of the CPSU (b), which allow us to speak with confidence about his suicide.

Keywords: Boris Savinkov, Party of Socialists-Revolutionaries, the PSR’s “Fighting organization”, bogoiskatel’sтво (God-seeking).

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.1-157-175

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of Russian Federation]. F. 1699. Inv. 1. Doc. 130.
2. *GARF* [State Archive of Russian Federation]. F. 5802. Inv. 2. Doc. 271.
3. *GARF* [State Archive of Russian Federation]. F. 5831. Inv. 1.
4. *GARF* [State Archive of Russian Federation]. F. 6756. Inv. 1. Doc. 42.
5. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* [Russian State Archive of Literature and Art]. F. 1557. Inv. 1. Doc. 8.
6. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial’no-politicheskoi istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Social-political History]. F. 17. Inv. 169. Doc. 28.
7. *Beseda s B.I. Babinoi* [Interview with B. Babina]. *Zapis’ N. Barmina* [A.B. Roginskogo]. *Minuvshee: istoricheskii al’manakh* [The past: historical almanac]. Paris, 1986, iss. 2, pp. 367–389.
8. Budnitskii O.V. *Terrorizm v rossiiskom osvoboditel’nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (the second half of XX – the beginning of the twentieth century.)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000.
9. Gippius Z.N. *Dmitrii Merezhkovskii: vospominaniya* [Dmitry Merezhkovsky: memoirs]. Merezhkovskii D.S. *14 dekabrya* [14 December]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1991.
10. Gorodnitskii R.A. *Boevaya organizatsiya partii sotsialistov-revolutsionerov v 1901–1911 gg.* [SR Fighting Organization in the 1901–1911 biennium]. Moscow, Rosspen Publ., 1998.
11. Zenzinov V.M. *Perezhitoe* [Experienced]. New York, Chekhov Publ., 1953.
12. Kolosov E.E. *Pravitel’sтво v bor’be s revolyutsiei (Po povodu vospominanii N.S. Tyutcheva)* [The government in the fight against the Revolution (A propos N.S. Tyutcheva memories)].

Tyutchev N.S. *Stat'i i vospominaniya*. Ch. 2. *V sylke i drugie vospominaniya* [Articles and memories. Pt. 2. The link and other memories]. Moscow, 1925.

13. Nikolaevskii B. *Istoriya odnogo predatelya: terroristy i politicheskaya politsiya* [The Story of a traitor. The terrorists and the political police]. Moscow, Politizdat Publ., 1991.

14. *Pis'mo B.V. Savinkova V.N. Figner* [B.V. Savinkov letter to V.N. Figner]. Publ. R.A. Gorodnickii i G.S. Kan. *Minusbee: istoricheskii al'manakh* [The past: historical almanac]. Moscow, St. Petersburg, 1995, iss. 18, pp. 195–197.

15. Ropshin V. (Savinkov B.). *Kon' blednyi* [The Pale Horse]. Nice, M.A. Tumanov Publ., 1913. 144 p.

16. Ropshin V. (Savinkov B.). *To, chego ne bylo (Tri brata)* [That which was not (Three Brothers)]. Moscow, A.K. Prokof'ev Publ., 1914.

17. Spiridovich A.I. *Partiya sotsialistov-revolutsionerov i ee predshestvenniki* [Socialist-Revolutionary Party and its predecessors]. Petrograd, 1916.

18. Figner V.N. *Izbrannye proizvedeniya*. V 3 t. T. 3. *Zapechatlennyi trud* [Selected works. In 3 vol. Vol. 3. Imprinted work]. Moscow, Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev Publ., 1933.

19. Chernavskii M.M. V boevoi organizatsii [In fighting organization]. *Katorga i sylka*, 1930, bk. 8–9, pp. 26–65.

20. Chernov V.M. *Savinkov v ryadakh PSR* [Savinkov in the ranks of PSR]. *Volya Rossii*, Paris, 1924, no. 14/15.

21. Shaginyan M.S. *Chelovek i vremya: istoriya chelovecheskogo stanovleniya* [Man and Time. The history of human formation]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1982.